

Заканчивается издание академического собрания сочинений А. П. Чехова в 30 томах. В процессе поиска неизвестных произведений писателя коллективу, работающему над собранием, пришлось пересмотреть десятки годовых комплектов газет и журналов 80-х годов прошлого столетия. В 1883 году в первых номерах московского журнала «Мирской толк» появился новый отдел — юмористический журнал в журнале «Винт», просуществовавший всего шесть номеров (потом его запретила цензура). Перелистывая страницы «Винта», сотрудник Института мировой литературы АН СССР кандидат филологических наук А. П. Чудаков нашел рассказ без подписи, по стилю, манере письма удивительно напоминающий ранние произведения Чехова. Исследования подтвердили: да, «Мачеха» действительно принадлежит перу великого русского писателя, двадцатилетний юбилей которого мы отмечаем в этом месяце.

В БОЛЬШОМ прадедовском кресле сидит старушенция. Желто-серая, морщинистое лицо ее кисло, как раздавленный лимон, глаза смотрят в сторону угрюмо, подозрительно... Она беспокойно вертится и то и дело подносит к своему острому, птичьему носу флакон с нашатырным спиртом. Она не в духе. Возле нее стоит молодой человек приятной наружности. Честь имею вам представить его: это — поэт, пасынок старушенции. Мачеха и пасынок беседуют.

— Я к вам по делу, мачеха, — говорит поэт. — Я написал роман... Вы приказали мне давать вам на прочтение все мои произведения. Извольте! Вот он! — Хорошо, мы прочтем его... Но отчего у тебя лицо такое печальное? Тебе, значит, не нравится мое вмешательство в твои дела? Не нравится? Так вот ты какой?

— Я очень рад, мачеха... Что вы? Я и не думал... Поэт надувается, морщится и всеми силами старается изобразить на своем лице улыбку.

— Я даже очень рад... Помилуйте... Нашего брата необходимо сдерживать...

— То-то... Ну, читай свою дрянь... Я послушаю.

Поэт медленно перелистывает рукопись, конфузливо кашляет и начинает читать:

«...Было прелестное майское утро. Мой герой лежал на берегу моря, глядел на пенистые, болтливые волны и мыслил...»

— Стой, стой... — перебивает мачеха. — Зачеркни слово «мыслил».

— Почему же?

— А бог знает, о чем мыслил твой герой. Может быть, о таком, что...

— Но я ведь поясню далее, мачеха.

— Ну, пока ты пояснишь, так до всего можно додуматься. Зачеркни.

Поэт зачеркивает слово «мыслил» и продолжает: «...Возле него на песке лежали ящик с красками и полотно, натянутое на подрамник...»

— Стой, стой... Разве можно писать такие вещи? Зачеркни слово «полотно».

— Почему же, мачеха?

— Разве это слово не напоминает тебе полотно железной дороги? А разве это не намек на железнодорожные беспорядки? А эти беспорядки имеют прямую связь с...

Поэт «полотно» заменяет словом «холст» и читает далее: «...У самой воды стоял его чичероне, молодой крестьянин...»

— Опять. — Мачеха машет руками и сует острье своего носа в нашатырный спирт. — Опять. Для чего тут крестьянин? К чему? На что он тебе дался? Заменяй чем-нибудь другим...

— Я заменяю словом «мальчик».

— Нельзя. Если мальчик стоит утром у моря, то, значит, он не в школе. Это намек на отсутствие школ...

Поэт вытирает у себя на лбу пот, глубоко вздыхает и читает далее. Но чем дальше в лес, тем больше дров. Рукопись его постепенно покрывается черными полосками, крестами и пятнами. Она постепенно теряет свою белизну и делается черной. Зачер-

киваются все слова, кроме некоторых междометий, числительных и некоторых наречий. Мачеха против союзов, потому что слово «союз» есть намек на незаконное сожительство и слияние сословий. Она отрицает местоимения третьего лица, потому что под словом «он» можно все разуместь: и Ренана, и Лас-сала, и «Московский телеграф», и Щедрина... Она не велит ставить запятые. Запятые, по ее мнению, есть намек.

— Ты зачем это в своей рукописи поля оставил? — говорит она. — Для чего? Поля... поля... Где поле, там неурожай... Отрежь ножницами!

Поэт кое-как дочитывает свой роман до конца. «...Старшина присяжных заседателей, — оканчивает поэт, — произносит дрожащим голосом: «Нет, не виновны. Публика аплодирует приговору».

Старушенция вскакивает. Глаза ее полны ужаса. Чепчик сполз в сторону и обнаружил плохенькие, старушечьи косички.

— Ты с ума сошел? Ты оправдываешь негодяев?!

— Да так же и следует! Ведь они не виноваты, мачеха!

— Не виноваты?! Да ты с ума сошел! За одно то, что они не слушаются старших, грубят товарищу прокурора и позволяют себе умничать на суде, их следует выпороты! Да разве ты не знаешь, что оправдательный приговор деморализует человека? Он портит! Он говорит, что преступления могут оставаться безнаказанными! Изволь заменить!

Поэт зачеркивает «нет, не виновны» и пишет:

«...Василия Кленского сослать в каторжные работы, в рудники, без срока. Желю его, Марию, сослать в каторжные работы, на заводах, на 14 лет...»

Фразу: «публика аплодирует приговору» старуха не велит зачеркивать.

— Теперь твой роман годится, — говорит мачеха. — Можешь давать его читать кому угодно.

Поэт целует костлявую руку старушенции и уходит.

Сов. Россия, 1980, 13 сев., № 11.